

ФИЛОСОФИЯ

С. Ю. Бояринов, А. А. Мукатаева

К ВОПРОСУ О ЧЕЛОВЕЧНОМ ИЗМЕРЕНИИ В ИСТОРИИ

Статья посвящена анализу философских проблем становления подлинно человеческой социальности в истории. Рассматриваются проблемы взаимосвязи событийности и вечности в пространстве исторического развития, этапы реализации родовой сущности человека, отчуждения и перспектив формирования царства духа свободных людей.

Ключевые слова: событийность и вечность в истории, прерывность и непрерывность исторического процесса, родовая сущность человека, отчуждение, исторический прогресс, человеческая социальность и ее перспективы.

S. Y. Boyarinov, A. A. Mukataeva

TO THE QUESTION ON HUMAN MEASUREMENT IN HISTORY

The article is devoted to analysis of philosophical problems of formation of originally human sociality in history. In this connection interrelation problems of event sequence and eternity in historical development space, stages of realisation of human patrimonial essence, alienation and prospects of formation of a kingdom of free people's spirit are considered.

Keywords: event sequence and eternity in history, discontinuity and continuity of historical process, patrimonial essence of the human, alienation, historical progress, human sociality and its prospects.

То, что есть, есть или потому, что было, есть и будет там и здесь, или потому, что там не было и не будет, но здесь и теперь есть, или потому, что, наконец, есть не только здесь и теперь, но и там было и будет в снятом виде в другом, выступая в качестве момента-элемента системного целого. Причем в отношении к предшествующему моменту-состоянию системы оно является событием будущего, его истиной, а в отношении последующего момента-состояния – событием прошлого, его условием. Тем самым такое сущее событие имеет смысл сущего, прибывающего, пребывающего и убывающего в течении (потоке) времени.

В горизонте времени оно пребывает, эмпирически сбывается в качестве отдельного момента развития – разворачивания временной последовательности, одновременно сосуществующего с тем, что, как и оно, причастно узловой линии мер. Если последняя отвлекается от узлов-завязок на память, то она понимается как абстрактная идея вечности, ее чистая трансценденция, вертикально – поперечно расположенная по отношению к горизонтали множества моментов, на которые делится и в которых измеряется время.

Вечность тематизируется в качестве синтеза собрания моментов времени, когда снимает их в себе, являющихся в виде отдельных временных моментов, своей разделенностью, прерывностью создающих пространство, антитетически заряженное относительно абсолютно абстрактной тезы вечности. Проявляясь на множестве единичных моментов времени, вечность соотносит их, связывает в серию событий. В результате они начинают

сообщаться друг с другом поверх времени на расстоянии метафорического резонанса, приобретая свойственную каждому из них особенность, специфическую выразительность универсальной связи здесь и теперь. При этом сама вечность благодаря своей негативной проявке на времени как бы остается «за кадром», но именно этого, а не другого события-момента, и тем самым конкретизируется, становится позитивным, реальным, а не абстрактным, вечно настоящим, не знающим смены состояний, в лице здесь и теперь данного события, тут-бытия.

Вот из таких событий времени и сплетается ткань истории, создается событийная канва. При этом исторические события имеют не только преходящие естественно-исторические значения, но и особый над-исторический смысл, воспаряющий в вечность, в мир идей и располагающийся вертикально ко всему множеству указанных значений, ретроактивно (и ретроспективно) сложившихся в закономерную последовательность. Рассекая плоскость (горизонт) событий истории, их со-бытийный смысл уходит за край плоскости (горизонта), сдвигая их значения истин настоящего в область (топос), где нет привилегированных мест, иерархий. Ведь в самой вечности, которая абсолютна, нет ничего ни более, ни менее важного, значимого, нет делений, нет ничего относительного, нет разделения на истину и ложь.

Метафизичность истории человека не имеет естественно природных оснований, поэтому ее автономность может установиться только по ходу ее самодвижения. Причем если движение свободно, то возможен выбор, разнообразие (многообразие) вариантов развития событий, которые располагаются во временной развертке (плане, плоскости, горизонте) в последовательность (ряд) случаев (происшествий). При этом случаи выступают наглядными фактами (свидетельствами) или эмпирическими проявителями (явлениями) действия невидимых существенных причин, форм определения, тенденций развития именно в этом, а не другом направлении, способов связи в таком порядке, что каждое из явлений занимает *postfactum* свое собственное (особое) положение в рамках сложившейся в целом их конкретной конфигурации-координации во времени и пространстве истории. Последняя складывается таким образом в историческую эпоху, эпохально (редуктивно) выделяясь из общего исторического процесса в отдельную конечную форму конституирования общественной связи.

Историческая эпоха в качестве естественно-исторической целостности синтетически объемлет снятую в себе экспликацию множества случаев действия и проявления именно этого, а не какого-нибудь другого исторического целого и является конечным (особым) воплощением актуально завершенной (универсальной) бесконечности. В качестве характерной формы общественной связи, представляющей имманентный закон ее осуществления, она ограничена, т. е. устанавливает предел роста человеческой энергии, лимитирует интенсивность реализации человеческого потенциала, рефлектирует, свертывается в себя. Тем самым определяется прерывность исторического процесса. Поэтому переход к новой форме общественных отношений возможен при уходе в себя и внутреннем творческом преображении в нечто новое, свое другое, в снятом виде представляющем то же самое, пока еще есть возможность удерживать поток времени в установленных рамках. Но рано или поздно то, что *postfactum*, ретроактивно или ретроспективно представляется телеологически оправданным, т. е. в качестве истины предшествующего, якобы выступающего подножием последующего (естественно напрашивается привычная для данной последовательности мысль, следующая правилу ассоциативной логики: «то, что после этого, значит по причине этого» – что не является вполне разумным, удовлетворяющим

элементарной (формальной) логике), оказывается более не в состоянии служить формой актуализации исторических явлений, их внутренней систематической связью, их целостностью, придающей им сущностный смысл.

Эпоха сходит с исторической сцены, подвергается деструкции, коллапсирует, освобождая место новой форме общественной связи, с трудом пробивающей себе дорогу в рамках прежней, еле-еле прорастающей сквозь наличную ткань настоящей эпохи.

К чему ведет историческое развитие как не к повышению уровня самоорганизации и самоуправления. Причем с усложнением общественной инфраструктуры центр самоуправления социальной системой перераспределяется на множестве относительно свободных, отличных друг от друга элементов-индивидов. Социальная система приобретает демократический характер. Но это не значит, что система является менее общественной, чем прежде; наоборот, она становится еще более человеческой, правда, если человеческое полностью редуцировать к социальному. Так ли это на самом деле? У нас возникает в этом сомнение. И если человеческое – это социальное, то что такое социальное, общественное? Это общее? Общество как множество соотносящихся друг с другом элементов-индивидов и составляющих единое целое, опосредующее их взаимоотношения целой системой адаптирующих институтов и функциональных приспособлений?

Обыкновенно полагают, что человеческое в человеке проявляется в общении. Но то, что проявляется в общении, должно быть как минимум ему причастным и как максимум быть самым феноменом общения или, точнее, его автором и действующим лицом.

Выходит, что человек становится человеком именно в обществе в ходе совместной жизнедеятельности с себе подобными. Будучи похожим на других людей в своей человечности, составляя вместе с ними нечто общее в форме родовой сущности, связанной с трудом, преодолением трудностей, он вместе с тем от них отличается своей индивидуальностью как особым вариантом выражения родового (существенного) человеческого инварианта [1]. И зависимость людей друг от друга складывается особым (индивидуальным) образом, конкретно исторически в ходе их совместной жизнедеятельности соотносительно обстоятельствам, как получилось и стало исторически необратимым, сначала по преимуществу индивидуально (или лично) непосредственно, начиная с родового порядка (при абстрактном тождестве природного и социального элементов в человеке), продолжая в раннеклассовых и среднеклассовых общественных формах (идеальном сосуществовании уже различных природного и социального элементов в человеке в античности, их абстрактном противопоставлении в Средневековье) и заканчивая тенденциозно, опосредованно вещным образом, характерным для более развитой формы общества – капиталистической, в которой капитал становится всеобщим эквивалентом, уравнивателем всех человеческих отношений по мерке (мере) идиально (символически) вещной, математически точной и технологически эффективной обмениваемости необходимого (рабочего) и свободного времени. Этот универсальный посредник всех человеческих отношений, редуктор-нивелир их вещной абстрактности, является, как ни странно, показателем (репрезентантом) развитости социальности, отчужденной от человека. Такого рода социальная или, как принято говорить, социумная развитость достигает максимальной степени в конце XX – начале XXI в., демонстрируя тем самым минимум человечности (при максимуме социальности). Возникает парадоксальная ситуация одновременной социумной прогрессии при регрессии человечности, являющейся истиной социальности. Однако видимая («кажимая») парадоксальность снимается при условии прояснения сущности социумности как дурной, неподлинной, квази-социальности, ее псевдо-человечной симуляции. Это так, если человечность мы полагаем социальной по своему характеру.

Но так ли это на самом деле? Что это не совсем так, показало наше время. Именно сейчас, когда социальная связь вследствие своего отчуждающего развития истончается, она становится все более хрупкой, равновесно нестабильной, подверженной спекулятивной игре капитала на финансовом рынке. В результате указанного развития она необратимо деградирует, начинает на высшем уровне последовательно воспроизводить в обратном порядке предшествующие формы общественной связи. Это свидетельствует о том, что истинный исторический прогресс не на стороне социума. Он занимает сторону человека, трансцендирующего социальную ограниченность, замыкающую его в социо-логическом порочном кругу привычного (или традиционного) правила повторения, говорящего о том, что «новое – это хорошо забытое старое». Так, в недрах «уходящей природы» мировой системы капитализма, находящейся на последнем этапе своего развития – системного коллапса, который можно назвать «поздним капитализмом» (или «пост-капитализмом»), зарождается новая социальность, не чуждая человечности, являющаяся ее основой в этом мире. Она еще должна образоваться в качестве основы или, лучше сказать, условия возможности подлинной человечности, которая, в свою очередь, станет ее истиной или реализованной целью.

Но прежде, чем состоится новая, собственно человеческая социальность, необходимо, чтобы псевдочеловеческая социальность «отмотала» назад все исторические витки, «дантовы круги» бесчеловечного социального ада в снятом виде в мобильном режиме on line, в себя коллапсировала, «отыграла» все эмпирически состоятельные возможности своего развития. Ускорить этот процесс, разорвать порочный круг социального отчуждения, в котором люди все еще существуют как в джунглях, по животным законам, господствуют над людьми и живут за счет подчиняющихся им, существуют не по-человечески, выйти на прямую трансценденции, свободы как таковой в качестве истины человечности и призваны наши современники, а именно те из них, кто вдохновлен дыханием свободы, ее духом как сущностью человечности, принимающей в чуждой ей среде вынужденной имманентизации, коллективного «всемства», мещанства (буржуазности) свой отчужденный образ индивидуализма.

Между тем, истинным образом человечности, способом ее подлинного существования является человеческая личность. Именно сейчас, в начале XXI в., пришло личное время, когда каждому человеку можно воспользоваться своим историческим шансом и стать самим собой уже не реактивно идильно, культурно-символически, как прежде, но активно реально, в самом деле, когда делом может быть только «в самом деле». Теперь становится понятным, что в деградирующем обществе, которое озабочено своим собственным выживанием и ради этого использует все отработанные в истории средства, и прежде всего самого человека, под «демократическим соусом», состояться в качестве личности даже идильно-культурно уже невозможно, что открывает нам глаза на самих себя, на то, что с нами вообще происходит.

In reale можно полагаться не на бога, царя, героя, на человечество, нацию, государство, класс и пр., но только на самого себя. В человеческой истории появляется уникальный случай раскрытия собственно человеческого измерения, еще не имманентного самой социально-исторической эмпирии, но уже и не трансцендентного ей, а являющегося трансцендентальным условием возможности преобразования социальной материи в истории. Возможность такого преобразования становится реальной, когда оно завершается в духе тех, кто реально становится личностью, т. е. тем, кто особым, уникальным образом выражает универсальное или человеческое как оптимум сущего в бытии в целом.

Пунктом отправления в путь личностной самореализации и достижения человечности, который складывается в мире у каждого конкретного человека особым, только ему характерным, уникальным образом (методом), является когитальный принцип как место сбора здесь и теперь, точка сосредоточения конкретного человека целиком в бытии, в которой нет разделения на «мысль» и «есть». Cogito становится тем пунктом в бытии, где лично уникально сбывается сам человек как человек, по своему понятию, в своей человечности. И в этой своей человечности он становится универсальным, действительным, а сама действительность, бытие как таковое доходит до точки, до онтологического конца, до предела, становится как таковым, но уже не абстрактным, а конкретным, с человеческим лицом.

Т. е., бытие в когитальном состоянии человека становится максимальным, а сущность человека, его человечность, истиной которой является свобода, – оптимальной. Иначе говоря, cogito как точка пересечения бытия и человека, где бытие является предельно (максимально) бытийным, а человек совершенно (оптимально) свободным, так что бытие очеловечивается и является свободным и разумным, гармоничным, а человек действительным и дающим бытие, творящим, становится подвижным образом вечности в истории, историалом человеческого существования здесь и теперь и именно вот таким образом.

Как раз те, для кого когитальное состояние в качестве историала или координаты человеческого измерения в истории человеческого общества является личным состоянием, и выступают точками роста новой, уже не просто человеческой, но человеческой социальности, в которой свобода каждого станет условием свободы всех. Как только будет создано царство духа пускай даже минимума реал-идеальных людей, а без cogito оно немислимо, тогда и появится возможность у всех остальных людей благодаря им установить с самими собой, между собой и с миром гармонические отношения, построить совершенное общество в смысле его усовершенствования в качестве средства космотворчества при условии полного освобождения собственно человечности от влияния всего нечеловечного, а тем более анти- и бес-человечного.

Царство духа свободных людей не может не быть установлено на когитальном принципе, удерживающем их осознанное бытие в месте действия вечно настоящего, в живом виде (*in vivo*) развивающем, исполняющем мотив в различных личностных тональностях по нотам диалектической логики. Благодаря когитально настроенной логике развития вечно настоящего царства духа в будущем не может не устроиться сообщество людей в форме гармонической (оптимальной) целостности, в котором у совершения человечности приоритет отводится будущему в настоящем как проекции вертикали трансцендентной вечности совершенных состояний на горизонталь имманентного потока дискретно выделенных моментов времени. Общество в будущем, не в пример настоящему, все еще действующему сообразно логике естественной (физической) необходимости, господствующей в космосе, правда, уже в форме исторического следования, лишь ретроактивно автономного и настроенного на прошлое в настоящем, явится проводником разумного переустройства космического мироздания духовным человеком (свободным и разумным, человеческим), способным проникать глубины мирового хаоса и их вразумлять и очеловечивать своим пониманием, т. е. сдерживать и приводить в порядок, превращать в космос, тем самым поддерживая мировой универсум.

Переход на новое время, ориентированное на человека как носителя образа вечности в истории космоса как истории самого человека осуществляется уже сейчас, правда, еще только в мысли, когда «распалась связь времен»: из-за ускорения темпов техно-

логического развития теряется чувство настоящего, которое слишком скоротечно, а время разрывается между человеком, забегающим вперед в будущее, и обществом, запаздывающим в прошлом и цепляющимся за прежние, уже привычные, но отжившие формы связи ради сохранения status quo и тем самым создающим возможность опережения себя человеком, способным заглянуть в будущее и в нем хотя бы умозрительно освоиться.

Примечание

1. В единичном социальном индивиде родовая сущность человека проявляется особым (социально индивидуальным) образом.